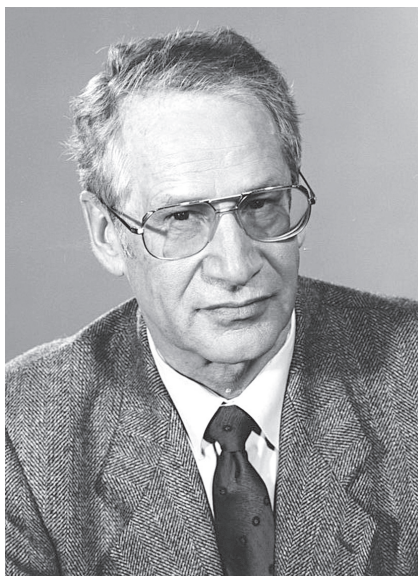

*К столетию
со дня рождения
Маркуса Вольфа*

(1923–2006)

Hans-Dieter Schütt

MARKUS WOLF

Letzte Gespräche

DAS NEUE BERLIN

Ханс-Дитер Шютт

МАРКУС ВОЛЬФ

Последние беседы

Москва

«Международные отношения»

УДК 351.746.1(092)(430.2)
ББК 67.401.132г(4Гер)д
Ш99

Шютт, Ханс-Дитер

Ш99 Маркус Вольф. Последние беседы / Х.-Д. Шютт ; пер. с нем. Ю.К. Прозорова. — 2-е изд. — М. : Международные отношения, 2023. — 288 с. ; ил.

ISBN 978-5-7133-1750-8

Имя Маркуса Вольфа было овеяно легендами еще при его жизни. Свыше тридцати лет он возглавлял службу внешней разведки ГДР — по общему признанию, одну из лучших разведок мира.

За двадцать лет, прошедших с тех пор, как он оставил свой пост, М. Вольф заявил о себе как яркий и самобытный писатель, чьи книги переведены и изданы в десятках стран мира и вызывают неизменный интерес читателей в нашей стране, которую он по праву считал своей второй Родиной.

Скоропостижная смерть оборвала работу над этой книгой, в которой М. Вольф на материале захватывающе интересных фактов рассказывает и размышляет об исторических событиях выпавшего на его долю времени.

УДК 351.746.1(092)(430.2)
ББК 67.401.132г(4Гер)д

- © Neues Deutschland Druckerei und Verlag für diese Ausgabe Das Neue Berlin, 2007
- © Прозоров Ю.К., перевод на русский язык, 2008
- © Подготовка к изданию и оформление. ООО «Издательство “Международные отношения”», 2023

ISBN 978-5-7133-1750-8

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Примаков

Предисловие к русскому изданию 7

Вместо начала 13

Не все средства хороши 19

Хонеккер нашел это совершенно верным 67

Призыв к Богу — или к матери 107

Мегафоны на Шпрее 173

Маркус Вольф

Отцы и сыновья 205

Никакой помощи в охоте за ведьмами 239

Биография Маркуса (Миши) Вольфа 285

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Это последние интервью Маркуса (Миши) Вольфа. Может быть, они в большей степени, чем автобиография и его книги «Тройка», «По собственному заданию», «Друзья не умирают», раскрывают образ этого несомненно незаурядного, более того, выдающегося человека.

У по-настоящему мудрых людей, к числу которых безусловно принадлежал Вольф, никогда не бывает однолинейности в оценках тех или иных явлений. Присутствуют сомнения, связанные с пережитым. Воспоминания не окрашиваются одним цветом — черным или белым. В многоцветье встает перед читателями этой книги фигура Маркуса Вольфа — разведчика, писателя, настоящего немецкого патриота, интеллигента-интернационалиста и, если хотите, философа. В многоцветье возникает картина долгих лет эмигрантской жизни в Советском Союзе, возвращения в Германию после победы над фашизмом, работы в ГДР во главе одной из лучших внешних разведок социалистического мира и последние годы, где переплелись счастливые дни с женой Андреа, месяцы тюремного заключения после объединения,

а скорее, поглощения Восточной Германии Западной, по сути, выигранный им судебный процесс, многочисленные поездки по разным странам.

Это многоцветье, отражающее реальные жизненные противоречия, подвигло интервьюера к вопросу: не прожил ли Вольф свою жизнь зря? Ведь за плечами остался период разоблачений преступных репрессий в СССР при Сталине, развал социалистического содружества, дискредитация социализма, действия не разобравшегося в ситуации Хонеккера, темные стороны деятельности шефа Вольфа министра госбезопасности ГДР Мильке. Пропустивший все это через свое сердце Вольф ответил: «Этот вопрос меня не сломил. Это, однако, вовсе не свидетельствует о том, что у меня не было достаточно серьезного желания ответить на этот вопрос, даже тогда, когда ответы могут оказаться неудобными для самого себя... Однако, несмотря на это, я сегодня со всей определенностью отвечаю: я прожил жизнь не зря... Я благодарен судьбе или еще кому бы то ни было, что я стоял на социалистической стороне в общественной борьбе XX столетия».

Этот ответ Маркуса Вольфа характерен для лучших людей, работавших во внешней разведке социалистических стран. Они пострадали, может быть, даже больше, чем те, кто трудился в других областях, — в СССР в тридцатые годы были расстреляны практически все резиденты службы, отозванные из-за границы и не подозревавшие об уготованной им участи. Разведчики ретроспективно узнали, может быть, даже больше, чем кто бы то ни было, о частом несоответствии практики в социалистических странах с идеалами социализма, демократии. Но они знали и другое: разведка защищала и защищает ин-

тересы народа, государства, обеспечивает их безопасность в тяжелых условиях борьбы с внешними силами. Знают они и о том, что те, кто обвиняет наших разведчиков во всех смертных грехах, не очень-то любят говорить об организованных ЦРУ США убийствах Лумумбы, Альенде, да и не только их. Хорошо это знал и понимал Вольф. Ему принадлежат слова: «Я был совершенно готов критически осмыслить все, что было под моим началом. Но к чему я не был готов и не готов сейчас — согласиться с надругательством и попытками представить как преступление то, что я считал и считаю правильным как с политической, так и с моральной точки зрения».

Маркус Вольф ушел в отставку в 1986 году, то есть за пять лет до того, как я возглавил СВР России. Но, конечно, став директором СВР, я хорошо знал о безупречной профессиональной деятельности Вольфа. Чего стоит, например, руководимая им операция по внедрению Гюнтера Гийома в ближайшее окружение канцлера ФРГ! На вопрос, заданный Гийому после его ареста, он ответил: «Есть два человека, которым я стремился честно служить: Вилли Брандт и Маркус Вольф». Как известно, Брандт был основоположником «восточной политики» ФРГ, которая на деле послужила политической стабилизации в Европе.

Не скрываю, хотел лично встретиться с Мишей Вольфом, о котором был так наслышан. Встреча с ним и с его очаровательной женой Андреа состоялась при интересных обстоятельствах. Меня 9 января 1996 года назначили министром иностранных дел. Именно на этот вечер была заранее запланирована встреча с семьей Вольфов, и она состоялась, несмотря на изменившуюся ситуацию. Мой прием-

ник по СВР В. И. Трубников и генерал В. И. Завершинский, ставший первым заместителем директора СВР, сердечно приветствовали дорогих гостей. Первый тост за нового министра иностранных дел России был провозглашен Мишей Вольфом.

С этого момента начались наши регулярные встречи и в Москве, и в Берлине. Я всегда ждал встреч и бесед с Мишей — откровенных, интересных, во многом поучительных. С его смертью еще глубже понял, что потерял друга.

Он был бы очень рад тому, что на русский язык переведены и издаются в нашей стране эти интервью, во время которых Ханс-Дитер Шютт напрягает все свое журналистское умение, чтобы вытянуть из Вольфа самое его сокровенное. Его коллеги, да вообще все знавшие Вольфа не сомневаются ни на йоту в его неизменной привязанности к нашей стране, которую он назвал своей второй Родиной.

Российские читатели, особенно те, кто интересуются историей, в том числе периодом последних лет существования Германской Демократической Республики, почерпнут из этой книги много неизвестных или малоизвестных деталей. И окупятся в безбрежное море философского осмысления жизни.

Е. ПРИМАКОВ

И я представляю себе, что в один из дней, который я всегда представлял себе как день победы, в такой хороший, счастливый, святой, справедливый день, день, когда уйдет вся боль человечества, я увижу их всех и мы будем сидеть рядом друг с другом, когда они расскажут мне все свои тайны, поскольку пришло такое время, в которое человеку никакие тайны более не понадобятся.

ГЮНТЕР РЮКЕР

Я говорю это не из-за какой-то ностальгии, а только потому, что хотел бы обратить внимание на то, как жутко важны внутренние традиции, как каждый человек связан со своими корнями и как ужасно, если его отрывают от этих корней, и как важно, что эти вещи, лежащие в основе всего бытия, человек может познать и, надеюсь, также объяснить себе, но в любом случае — все же сохраняет контакт с ними.

ПЕТЕР ВАЙС

Мы попытались кое-что осуществить — многие считают нас безнадежными утопистами, идеалистами, оторванными от жизни фантазерами. Однако утопия — это еще и надежда, а надежда требует работы. Глупость и полное слабоумие пронизывают мир — и что же нам остается: прятаться по углам? Этого я делать не могу, даже когда призывы к большому благоразумию и солидарности людей разумных порой оказываются тщетными.

КОНРАД ВОЛЬФ

ВМЕСТО НАЧАЛА

Я знал, что у меня ничего не получится. Оставалась надежда получить хоть что-то.

Я был знаком со многими интервью Маркуса Вольфа, за этими многочисленными текстами или передачами я улавливал противоречие между желанием разузнать, свойственным каждому интервьюеру, и неизменной дистанцией отвечавшего на вопросы, противоречие между жадной сенсацией одной из сторон и очень дружественной, но неизменной недоступностью другой. Иногда казалось, будто правда постановки вопроса и правда ответа не хотели совпадать; возникало впечатление, будто Вольф отдавал предпочтение ничего не значащим словам, которые язык нашей публицистики с удовольствием проглатывает. Очень трудно с помощью пилки для ногтей расцарапать крепостные стены. Во всяком случае, складывалось такое впечатление.

Беседы с Маркусом Вольфом, опубликованные ниже, начались в июле 2006 года, внезапная смерть Вольфа четырьмя месяцами позже, в ноябре, оборвала эти беседы. Они далеко не были завершены. Это — если так можно сказать — несколько вышло за стадию вопросов; мы позволили себе расслабить-

ся, уверенные в том, что у нас достаточно много времени для еще предстоящей стадии дополнительных вопросов.

Толчком для встреч стала идея главного редактора ежедневной газеты «Нойес Дойчланд» Юргена Реентса — в интервью с современниками, которые иногда писали в газете, — вернуться еще раз к событиям двадцатого века. В рубрике «Жизнь авторов» и в духе тех раздумий, которые британский историк Эрик Хобсбом предпослал немецкому изданию своих воспоминаний «Опасные времена»: «Куда деваться людям, которые сидели по домам тогда, когда в двадцатом столетии дважды сменились декорации жизни: когда государства и политические системы втягивали и выталкивали людей, когда люди сами по своей воле или насильственно перемещались из многих стран, культур и режимов и между ними? Куда деваться людям в двадцать первом веке, когда мир еще больше теряет свои корни?»

Маркус Вольф, в течение многих лет руководивший разведкой ГДР, окутанный тайной, внушавший страх и ненавидимый — и никогда, ни ранее, ни до сегодняшних дней, — никто не знал, что увеличивало эту ненависть: открыто коммунистические взгляды этого человека или его непостижимость. Вольф делал свою работу, которая только в фильмах о Джеймсе Бонде выглядит легким развлечением. Такую работу, которая с давних пор находится под подозрением, что она бесчестна. Однако самое бесчестное в ней — это безумное состояние межгосударственных отношений, которое и делает эту разведывательную работу необходимой, возбуждает недоверие, нагнетает враждебность, а войну считает средством решения проблем.

Маркус Вольф родился 19 января в городе Хёхинген, в земле Вюртемберг.

Его отец, Фридрих Вольф, врач и драматург, еврей по национальности; брат Маркуса — известный позднее кинорежиссер Конрад Вольф. Эмиграция в Советский Союз, жил в Москве. Во время войны обучался в школе Коминтерна под Уфой, готовился к заброске за линию фронта. Школу, однако, распустили. Вольф — комментатор на радио «Дойчер Фольксзендер» в Москве. С «группой Ульбрихта» возвращается в Берлин, работает на радио Берлина, корреспондентом на Нюрнбергском процессе над военными преступниками. Чуть было не стал драматическим актером. Вангенхайм хотел дать ему роль рыцаря-храмовника в пьесе Лессинга «Натан Мудрый». Ульбрихт не позволил. После двух лет работы в посольстве ГДР в Москве его направляют в разведывательную службу, а вскоре он становится руководителем Главного управления разведки в Министерстве госбезопасности ГДР. Разоблачение Гийома, умело использованное противниками Брандта для отстранения его с поста канцлера, стало самым ярким событием публичной жизни эры Вольфа. В 1986 году он уходит из разведки по собственному желанию. В 1993 году предстает перед судом в Дюссельдорфе по обвинению в государственной измене. Верховный суд ФРГ отменяет приговор, во втором процессе его приговаривают к двум годам заключения условно. В своей книге «Тройка», вышедшей в 1989 году, он коснулся также и запоздалой, кратковременной и в конце концов оказавшейся напрасной истории гласности в ГДР.

Уже упомянутый выше Эрик Хобсбом отмечает в своих мемуарах: «Большинство членов партии

в ГДР и, весьма вероятно, большинство интеллектуалов партии до конца верили в социализм в той или иной форме. В отличие от многих немецких эмигрантов, живших в СССР, среди них почти не было реформаторов коммунизма, которые превратились в стопроцентных проамериканских адептов холодной войны. Однако чем дальше, тем больше они теряли веру. Маркус Вольф, человек выдающихся способностей, говорил мне, что к концу семидесятых годов он пришел к выводу, что система в ГДР не срабатывала. Несмотря на это, даже в последние мгновения существования ГДР он публично выступил как коммунистический реформатор — необычная позиция для шефа службы разведки».

Он постоянно подчеркивал внешнюю направленность работы своей службы и считал «несчастьем» расширение противозаконной шпионской деятельности на внутреннюю жизнь ГДР, однако из-за этого он никогда не отрицал своей ответственности за систему подавления, формально закрепленную положениями о министерстве; поэтому всегда выступал против того, чтобы огульно обвинять всех сотрудников МГБ ГДР в наказуемых действиях, — и именно за эту позицию его, одного из ораторов, выступившего на митинге 4 ноября 1989 года на Александрплац, громко освистали.

Его жизнь — это типично немецкая печальная судьба, и смысл ее в том, что с давних пор все заканчивается безрадостным сознанием. Немцы изгоняют немцев — так Маркус Вольф пришел к интернационализму. Немцы против немцев. Так он оказался у незримого прицела. Жизнь между войной и новой войной — одна горячая, другая холодная, обе одинаково безжалостны. Целое столетие бурлило

